

«ТАИНА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Е. ГАШКЕНЕ-ЧЕРВИНСКЕНЕ

Ф. Достоевский всегда старался «угадать» в человеке его «тайну», найти в нем главное, то, что проявляется в нем даже помимо его воли, определяет его личность.

«Разгадать» странную, «загадочную» личность самого писателя не раз пытались литературоведы разных стран. Опыт такого типа исследований показал, что задачу усложняет исключительная противоречивость Достоевского, его эволюция от Петрашевского к Победоносцеву, кажущаяся равноправность противоборствующих идей в его произведениях. Можно даже услышать парадоксальное мнение, якобы, любую из доминирующих идей Достоевского при желании можно выдвинуть в качестве главной, если только исследователь заинтересован в подобных акцентах. Известно, что представить «единого» Достоевского пытались многие зарубежные и дореволюционные русские исследователи. В этом отношении сделано немало интересных и ценных наблюдений. Однако рассматривая особенности личности и творчества писателя, как правило, в отрыве от социально-исторической среды, не учитывая его эволюции и противоречивости, они обычно выпячивали одну из сторон натуры писателя, приспосабливали его идеи к своей идеологической платформе, и Достоевский объявлялся то проповедником христианского смирения, кроткого человеколюбия, то апологетом жестокости и страдания, садизма и мазохизма, то врагом, то певцом индивидуализма и своеволия и т. д.

Необходимостью показать и научно осмыслить противоречивость писателя, вероятно, объясняется то, что в советском литературоведении до недавнего времени уделялось сравнительно мало внимания «неизменному» в Достоевском, тому, чему он так или иначе оставался верным, несмотря на эволюцию и противоречивость взглядов, как, например, Л. Толстой остался верным своей идее живой жизни, природы, естественности, несмотря на идейный перелом.

В последнее время наблюдаются сдвиги в сторону поисков «цемента», скрепляющего противоречивые идеи произведений Достоевского:

уточняется мысль о его полифонизме, доказывается неправомерность приравнивания, тем более отождествления голосов героев с голосом автора, обращается внимание на необходимость учета новаторства и специфики творческой манеры Достоевского во избежание предвзятых суждений о нем.

При определении главного у Достоевского мнения исследователей расходятся. Например, отмечается, что постоянной темой всего творчества писателя была «раздвоение личности» (В. В. Ермилов); что Достоевский утверждал универсализм человека (Н. М. Чирков); что главным, определяющим свойством человеческой природы он считал слабость (В. Я. Кирпотин) и т. д. Трудность подобных устремлений отыскать авторскую позицию наглядно убеждает нас в исключительной важности выявления самого характерного для такого сложного писателя, каким был Достоевский.

Предлагаемый этюд представляет собой попытку поисков «тайны» Достоевского, опираясь на его произведения, письма, записные книжки, статьи, мемуарную литературу о нем.

* * *

История всех видов искусства свидетельствует о том, что художник становится лучшим выразителем тех сторон и идей общественной жизни эпохи, которые совпадают с его личной, субъективной «идеей». Так было и с Достоевским.

Чтобы определение доминирующего в сложной личности писателя было убедительнее, вспомним известные биографические моменты, составляющие важные истоки его «идеи-чувства» (так сам Достоевский обычно называл идею, ставшую страстью, составляющую основу души человека).

Исследователями жизни и творчества писателя справедливо показано, что болезненно впечатлительный ребенок еще в детстве интуитивно чувствовал неуверенность положения своих родителей — образованных, но небогатых людей. Работа отца в больнице для бедных; жизнь в одном из флигелей больницы; вслух высказываемые опасения отца, что после его смерти дети будут нищими, его стремление из последних сил обеспечить их будущее; приобретение родителями «имения» — нескольких убогих деревень, которые вскоре сгорели дотла; тяжелый характер отца, любовь и безропотное страдание матери, ее ранняя смерть от чахотки, семеро осиротевших детей, из которых самой младшей — второй годик, а ему, Федору, — пятнадцать лет; распад семьи, запой отца и его смерть от рук своих крепостных; шесть лет в инженерно-военном училище, где царил атмосфера безропотного послушания, когда душу жгло предчувствие таланта, жажда свободы.

Еще в ранней юности восставала в Достоевском врожденная гордость. Вспомним бунт отца писателя против предназначенного ему судьбой сана священника, его щепетильную гордость в общении с богатыми родственниками. Да и обучение детей в дорогостоящих частных пансионах вместо казенных гимназий и во всем стремление жить «не хуже людей» при сравнительно небольших средствах. Фамильные предания о беспокойном роде Достоевских, упоминаемые в древних литовских хрониках, невольно будили в мальчике сознание собственного достоинства. Не зря позднее писатель любил рассказывать в кругу семьи о своих предках.

Человека можно узнать по тому, что он запоминает и что забывает. Известный случай с курьерской тройкой произошел, когда Достоевскому было пятнадцать лет, когда ему было уже за сорок, в черновиках «Преступления и наказания» он записал: «**Мое первое личное оскорбление** — лошадь, фельдъегерь» и нарисовал в своем произведении потрясающий образ насмерть замученной клячи — символ безвинного страдания и омерзительной жестокости¹. А в 1876 г. в «Дневнике писателя» он подробно рассказал об этом. Видно еще в ранней юности удар пришелся по больному месту, оттого он был так чувствителен и был воспринят как личное оскорбление. С возмущением вспоминал Достоевский случай с мужиком, который предлагал посечься за деньги. Мельчайшие оттенки самоунижения и унижения человеческого достоинства запоминались писателю на всю жизнь.

Известно рано проявившееся исключительное внимание будущего писателя к человеку. «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком», — писал семнадцатилетний Достоевский брату. Главной задачей он считает «учиться, что значит человек и жизнь»². Изучение человека и жизни, в которой рабство было освящено законом, приводило к трагическим выводам.

В инженерном училище товарищи знали, что Достоевский болезненно реагирует не только на личные оскорбления: он не допускал шуток и издевательств над младшими и слабыми, над учителями, не мог смотреть, как наказывают солдат. Избегая состояния подчинения, он даже отказывался от прогулок, купания, если их сопровождали офицеры. Боязнь за свою «репутацию», по его собственному признанию, заставляла его усердно заниматься нелюбимыми предметами; незаслуженно оставленный на второй год, он жалуется: «До сих пор я не знал,

¹ Разрядкой обозначаются места, выделяемые автором настоящей статьи, шрифтом выделены места, акцентированные цитируемыми авторами.

² Ф. М. Достоевский. Письма, т. II, М.—Л., 1930, стр. 550.

что значит оскорбленное самолюбие... Хотелось бы раздавить мир за один раз...»³ По-видимому, прав П. П. Семенов-Тянь-Шанский, вспоминающий, что жалобы Достоевского на бедность, его желание известись тем, что обычно имели богатые курсанты, были вызваны не стремлением бороться с настоящей нуждой, а желанием защитить свою честь, свое достоинство.

И в литературе, которую с детства Достоевский буквально поглощал, привлекают его гордые, сильные личности. Не зря он так восторгался Шиллером, «вызубрил...», говорил им, бредил им» и замечал, что подобно его героям могут говорить лишь «оскорбленные ангелы». Это было близко ему самому. Шестнадцатилетний юноша пишет брату: «... как много отвратительных подло-ограниченных седобородых мудрецов, знатоков, фарисеев жизни, **гордящихся** опытностью, т. е. своею безличностью (ибо все в одну мерку сточаны... которые вечно проповедуют довольство судьбой)»⁴.

Друзья вспоминают, что еще в училище Достоевский — «человек высокой честности... негодовал на начальников»⁵, в письмах жаловался на людей, осуждающих «сильную, горячую душу, невыносящую их пошлого, дневного расписания и календаря жизненного»⁶.

Известно, как трудно Достоевский сходилась с людьми из-за боязни, что его могут не понять, оскорбить, как тяжело он переживал свою первую литературную славу, как болезненно реагировал на критику. Ему мерещились оскорбления даже там, где их не бывало.

Отчасти это объясняется и его страшной болезнью, особенно мрачным настроением после припадков. Осторожность в обращении с ним друзей и близких вызвала в нем подозрение, что его принимают за больного, ненормального, что на него смотрят снисходительно. Обиды и насмешки тех, кто не понимали его состояния, тоже приводили его в отчаяние. Между тем именно ему с его болезненным самолюбием всю жизнь приходилось испуленно бороться с кредиторами, с эксплуататорами талантов, осознавать величину своего дарования и негодовать, что ему платят гораздо меньше, чем другим менее талантливым и менее нуждающимся писателям. Не по книгам знакомился Достоевский с самыми разными оттенками оскорбленного самолюбия.

В высшей степени характерно воспоминание В. В. Тимофеевой, как однажды она засиделась в редакции за работой, и Достоевский начал опасаться, что ее могут оскорбить на улице в такое время. Он тут же стал воображать себя защитником незаслуженно оскорбленной:

³ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.—Л., 1928, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. I, М., 1964, стр. 103.

⁶ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.—Л., 1928, стр. 106.

«А знаете,— закончил он вдруг со своей судорожно-измученной и как будто жестокой улыбкой,— знаете, я бы даже хотел, чтобы это с вами случилось. Какую бы я вам тогда в защиту речь написал! Как бы я их испотрошил тогда, этих возвышенно-благородных идеалистов, плюющих на женщину»⁷. На оскорбление человека Достоевский реагировал как стрелка компаса на магнит. Он испуганно защищал право каждого на уважение. Как-то по рассеянности эту же сотрудницу он неверно назвал по отчеству, сам заметил ошибку и стал извиняться. Когда она начала успокаивать его, он вскипел:

— Как «не все ли равно»! Никогда не смейте так говорить! Никогда! Это стыдно! Это значит не уважать своей личности! Человек должен с гордостью носить свое имя и не позволять никому — слышите: **никому!** — забывать его»⁸.

Именно идея свободы человеческой личности и сблизила автора «Бедных людей» с Белинским и Петрашевским. Даже в невероятно трудных условиях — в показаниях следственной комиссии Достоевский упрямо доказывает, что каждый имеет право мыслить, искать, свободно выражать свое мнение.

На исключительную важность для Достоевского идеи свободы личности справедливо указывает большинство исследователей его творчества, объясняя идеал писателя историческими условиями русской и европейской жизни, влиянием утопических и революционно-демократических идей. На характеристике социально-исторических истоков этой идеи Достоевского мы не задержимся, поскольку сама по себе эта мысль не нова. Не нова будет и мысль, что идея свободы личности, которая в период отмены крепостного права и подготовки буржуазной революции в стране занимала во всей русской литературе особое место, в творчестве Достоевского приобретает свой оттенок, поскольку его интересует личность из широких демократических слоев. «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке»⁹, — в этом позднем признании Достоевского в «Дневнике писателя» за 1876 год слово «никогда» действительно не обмолвка.

Но нам кажется, что мало признать исключительное значение этой идеи для Достоевского наряду с другими идеями и проблемами, которые, если употребить его же термин, являются главными, но не самыми главными, как, например, идея бога, преступления и наказания и др. Идея свободы человеческой личности была его

⁷ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. II, М., стр. 162.

⁸ Там же, стр. 159.

⁹ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. X, СПб, 1895, стр. 37.

«идеей-чувством», как бы исходной точкой, с ней связано решение всех других проблем, основные особенности его творчества.

Определяя своеобразие Достоевского еще по произведениям, созданным до 1861 года, Добролюбов проницательно отметил, что «искания человека сохранить свою личность, остаться самим собой», особенно интересовавшие писателя, органически сливались с его собственной натурой. «В произведениях Достоевского мы находим одну общую черту. . . : это боль о человеке, который признает себя не в силах, наконец, даже не в праве быть человеком настоящим, полным, самостоятельным человеком, самим по себе. «Каждый человек должен быть человеком и относиться к другим как человек к человеку», — вот идеал, который сложился в душе автора помимо всяких условных и парциальных воззрений, по-видимому, даже помимо его собственной воли и сознания, как-то а priori, как что-то составляющее часть его собственной природы»¹⁰.

Уже в первом произведении Достоевский оказался новатором, заглянувшим в душу маленького человека, обратившим внимание на пробуждение самосознания в забытых, загнанных людях. Ведь лишь увидев личность в «маленьком человеке», его способность на самоанализ и анализ жизни, его способность на развитие, он мог решиться на роман с таким героем. Жанровое своеобразие уже первых произведений писателя определяет его «мечта» о праве и способности каждого человека стать личностью. Несоответствие этого идеала с действительностью и составляет сущность драматизма его произведений. Окончательной причиной странного поведения почти всех его героев, их «секретом» нет-нет и окажется пережитое или переживаемое ими унижение. Любовь-ненависть, любовь-месть, даже любовь-жалость, которой Достоевский наделяет своих героев, в окончательном итоге оказывается самозащитой личности, гордым соперничеством в благородстве двух человеческих особей. Униженные, оскорбленные, поэтому болезненно гордые его женщины больше всего дорожат своим человеческим достоинством. Они недоверчивы и не принимают жертв, могущих их унижить. Именно благодаря этому они «из грязи чистыми выходят».

Даже дети в произведениях Достоевского предстают перед нами прежде всего как оскорбленные, униженные, в результате рано развившиеся, с болезненным самолюбием и подозрительностью, личности. Они болезненно горды и интуитивно избегают унижающей их жалости. Вспомним попавшую в богатый дом Неточку Незванову, маленького героя, в самозабвении вскочившего на дикого коня, чтобы, рискуя жизнью, защитить свое достоинство; маленькую Нелли, собирающую милостыню на покупку ею разбитой чашки, и многих других детей и

¹⁰ Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения. М.—Л., 1948, стр. 332.

подростков Достоевского. Известно, как страстно выступал писатель против оскорблений детей, против жестокого обращения с ними.

Главным в человеке Достоевский считает отношение к своей и чужой личности. Мир у него делится на пауков и жертв, на унижаемых и унижающих. Здесь проходит в его сердце роковая черта, и он остается на стороне униженных, чтобы отсюда показать, что никакими силами нельзя убить в человеке желания быть самим собой, что нельзя превратить человека в машину, в винтик, в муравья без «своей воли», без человеческого достоинства. Герои Достоевского в любую минуту готовы выкинуть что-нибудь самое неожиданное, часто совершенно несообразное с обстоятельствами и здравым смыслом. Так он показывает «тоскливое, судорожное» проявление личности, «тоску человека по самому себе» в условиях, когда личность не может свободно, нормально развиваться.

Бросается в глаза особый интерес писателя к преступлениям. Но из всех преступлений он выбирает убийство и самоубийство как крайние проявления насилия над человеком и самим собой, как неуважение к чужой и своей личности.

Постоянное внимание Достоевского к разным актам жестокости, к разным аспектам оскорбленного самолюбия, «раздавленного тщеславия», некоторые странности его характера еще при жизни создали ему славу жестокого человека, точно так же, как его внимание к индивидуализму, с целью осудить, опорочить эту идею, было истолковано как поэтизация индивидуализма. Сам Достоевский недоумевал и страдал от такого непонимания. Когда одна из газет бросила ему обвинение, что он чувствует «пристрастие к болезненным проявлениям воли», он ответил: «...Мне действительно... удавалось, в моих романах и повестях, о б л и ч а т ь иных людей, считающих себя здоровыми и доказать им, что они больны»¹¹. Болезнью, а не нормой, считал писатель проявления жестокости в человеческих отношениях.

Распространению мифа о жестокости писателя способствовало неправомерное отождествление автора с его героями. Поэтому необходимо остановиться на произведении, в котором авторское «слово», в силу специфики жанра, раскрывается более непосредственно и, может быть, благодаря этому оно считается одним из самых светлых созданий Достоевского, несмотря на самую мрачную обстановку, изображаемую в нем. «Записки из Мертвого дома» — итог десятилетних размышлений писателя на каторге и в ссылке. Особенно показательно, что главной идеей такого произведения писатель объявил идею свободы личности. Не зря «Записки» вызвали восхищение А. И. Герцена и такого борца за свободу человека, каким был В. И. Ленин.

¹¹ Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. XI, СПб., 1888, стр. 394.

В «Записках из Мертвого дома» Достоевский показывает, что свобода — непереносимое условие живой жизни. Тюремную крепость он назвал Мертвым домом потому, что люди здесь лишены свободы, что «почти всякое самовольное проявление личности в арестанте считается преступлением», что здесь «вынужденное общее сожительство», вынужденный труд «из-под палки».

Мысль, что человеку всего дороже своя воля, раскрывается автором во всех картинах каторжной жизни. Например, говорится о том, что арестанты лучше работают, когда им дается «задание», и они могут сами распорядиться своим временем, проявить свою инициативу. Показывается, что арестант больше всего, кроме свободы, любит деньги, опять-таки потому, что «тратя деньги, он поступает уже по своей воле»¹². Арестанты вопреки строжайшему запрещению приносят в острог водку. Это автор объясняет тем же: тут есть риск — «значит, все это имеет хоть какой-нибудь призрак жизни, хоть отдаленный призрак свободы»¹³.

Радость, оживление, находчивость, бездну инициативы арестантов при подготовке праздничных представлений, автор объясняет тем, что «позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски»¹⁴. Утверждая, что свобода — необходимое условие нормального развития человеческой личности, условие нравственного возрождения человека, Достоевский сопоставляет жизнь на каторге с жизнью на свободе в царской России, где рабство защищалось законом, и с глубокой грустью восклицает: «сколько сил и таланту погибает у нас на Руси иногда почти даром, в неволе и тяжелой доле!»¹⁵

Достоевский утверждает, что никакими силами нельзя убить в человеке жажду свободы, тоску по воле и что живая жизнь нигде, даже в тюремных условиях, немислима без «своей собственной, внутренней жизни», которая складывается помимо «официальной». В преступниках из народа он заметил «вовсе не принижение, а чувство собственного достоинства»¹⁶. Автор говорит, что «арестант ужасно любит... уверить даже себя, **хоть на время**, что у него воли и власти несравненно больше, чем кажется», он инстинктивно стремится к «возвеличению собственной личности, хотя бы призрачному»¹⁷. Достоевский категорически утверждает, что «всякий, кто бы ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству... никакими клеймами,

¹² Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. III, М., 1956, стр. 472.

¹³ Там же, стр. 473.

¹⁴ Там же, стр. 561.

¹⁵ Там же, стр. 559.

¹⁶ Там же, стр. 549.

¹⁷ Там же, стр. 473.

никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек»¹⁸. С нескрываемой иронией и жалостью вспоминает автор «от природы» забытых, безответных людей. «Характеристика этих людей — уничтожить свою личность», — говорит Достоевский. «Он был не высок и не мал ростом, не хорош и не дурен, не глуп и не умен, не молод и не стар, немножко рябоват, отчасти белокур. Сlishком определенного о нем никогда ничего нельзя было сказать»¹⁹, — так явно иронически очерчен портрет Сушилова, одного из «рабов по натуре». Не «уничтожение своей личности», а жажда свободы, защита своего человеческого достоинства утверждается автором. На «Записки» следует обратить особое внимание еще и потому, что они созданы накануне поворота Достоевского в сторону реакции.

В период пропаганды почвеннических взглядов и создания всемирно известных произведений писатель вынужден критически переоценить свой идеал, неразрывно связанный с его прежними демократическими убеждениями. Благодаря обострению внимания Достоевского к историческим событиям на родине и в Европе, благодаря его личному опыту, идея свободы личности усложняется и углубляется. Но в данном случае нас интересует не столько само усложнение идеи, сколько то, что и теперь она остается «сверхидеей» Достоевского, «частью собственной природы», своеобразным критерием всех ценностей.

Известно, что отрицание капиталистического мира теперь исключительно занимает Достоевского. Но в основе этого отрицания — идея свободы человеческой личности.

Слова о том, что такое *liberté*, Достоевский написал, посетив после каторги Европу — «святые места» и окончательно убедившись в том, что буржуазное общество не обеспечивает не только всем людям, но и вообще никому подлинной свободы.

Писатель показывает, что ненормально, когда человек, его жизнь, семья зависят от воли другого человека — фабриканта, торговца, землевладельца. С одной стороны — унижение, с другой — власть над людьми, — и то и другое ведут к искажению человеческой природы, к ожесточению. Еще в «Записках из Мертвого дома» Достоевский подчеркнул, что «кровь и власть пьянят», что «в тиране гибнет человек». «Золото — грубость, насилие, деспотизм»²⁰, — пишет он теперь и создает образы обладателей символического миллиона или рвущихся к нему, готовых «за три рубля» резать человека. Следовательно, власть капитала, «золота» Достоевским отвергается как «грубость», как унижение человека, как насилие над ним. Рабочие массы, «...мил-

¹⁸ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. III, М., 1956, стр. 507.

¹⁹ Там же, стр. 462.

²⁰ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. XI, СПб., 1888, стр. 394.

лионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского... , чтобы не задохнуться в темном подвале», ищут выхода в дешевых развлечениях, пьянстве, разврате, происходит «потеря сознания» народа — «систематическая, поощряемая»²¹, — возмущается он.

Достоевский особенно подчеркивает то, что в капиталистическом мире всемогущий капитал обесличивает человека. «... надо накопить денежки и завести как можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение»²², — говорит писатель. Деньги способны ничтожество, «ординарность» возвести в «знаменитость», дать ему власть над людьми, у которых нет «миллиона». Когда «деньги есть высочайшая добродетель», разжигаются страсти жизни, нездоровая конкуренция. Закон джунглей, эгоизм возводится чуть ли не на уровень нравственного принципа. Человек обесценивается, все продается и покупается — красота, таланты, честь. Семья становится «бракосочетанием капиталов», «подделкой под чувства». Сильные побеждают, слабые служат «материалом» для всяких ротшильдов, своего рода наполеонов. И самое страшное в том, что все это принимается не как преступление, а как неизбежная закономерность.

Мнимость буржуазной свободы для Достоевского была очевидной: общество неспособно дать каждому по миллиону, а «человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно»²³. Но задача для такого писателя, как Достоевский, заключалась в прогнозах, в предсказании будущего. Массы обойденных рвутся к свободе, требуют «с мечом в руке своих прав». Писатель чувствует этот ропот, и он рад, что его идея свободы личности торжествует, что существующее «не принимается за идеал». Но тогда естественна борьба личности за «идеал», за настоящую, не мнимую свободу, за общество, которое было бы способным обеспечить этот идеал или приблизило бы к нему.

Как бы это ни казалось парадоксальным, но в своем отрицательном отношении не только к буржуазному обществу, но и к идее революции и социализма, какими они ему представлялись, Достоевский, как известно, исходил из той же идеи свободы личности. Общеизвестны его опасения, что «насильственное уравнивание» приведет к полному обезличению.

В теориях Верховенского, Шигалева он рисует мрачные картины, как в условиях подавления личности, нивелировки людей падает уровень просвещения, науки, гаснут таланты, все приводится к общему знаменателю. Писатель не принимает насильственного уравне-

²¹ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. IV, М., 1956, стр. 95.

²² Там же, стр. 102.

²³ Там же, стр. 105.

ния Шигалева, Инквизитора, их мыслей, что «без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства», что люди не могут добровольно разделить хлеб и поэтому всегда будут вынуждены жертвовать своей свободой. Достоевский упрекает своих воображаемых «социалистов» в том, что они этим недоверием унижают людей, не уважают человека. В уста Инквизитора автор вложил слова, осуждающие Христа за то, что он, оставляя человеку свободу воли, вознес людей выше, чем они этого стоят. «Вопрос ставится у стены: «Презираете вы человечество или уважаете, вы, будущие его спасители?», — так объясняет сам Достоевский в частном письме свою идею, раскрываемую им в образах Ивана-Инквизитора²⁴.

Разочаровавшись в буржуазной революции, своими глазами увидев, во что превратилась «святая идея» — *liberté, égalité, fraternité*, введенный в заблуждение «мирными» реформами самодержавия, Достоевский укрепляется в своих надеждах на мирное развитие и в своем отрицательном отношении к идее революции и «французского социализма», к Западу вообще с его прогрессом, цивилизацией, «теориями». Почвенническая платформа Достоевского не раз освещалась и оценивалась нашими исследователями. Хотелось лишь напомнить, что подозрительно и враждебно относясь к теориям насильственного переустройства общества, Достоевский выставляет одни и те же аргументы: «никакая польза не заменит своеволия и прав личности»²⁵; каждому «самому по себе лучше, потому полная воля»²⁶; «все дело-то человеческое кажется и действительно только в том и состоит, чтобы человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик»²⁷. Он напоминает, что человек часто поступает вопреки выгоде, зато «сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность»²⁸.

О «всяких теориях» Достоевский говорит враждебно, исходя, как правило, из идеи свободы личности, многогранности и сложности души человека и бесконечного разнообразия человеческих индивидуальностей. Всякая теория здесь ему кажется узкой, неспособной все учесть и предусмотреть. Он убежден, что «законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке... что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей **окончательных**...»²⁹.

Но Достоевский, сын своего века, не мог не признать относительно-сти свободы, человеческой личности, влияния среды на человека. Из-

²⁴ Ф. М. Достоевский. Письма, т. IV, М., 1959, стр. 58.

²⁵ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. XI, С-П., 1888, стр. 65.

²⁶ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. IV, М., 1956, стр. 109.

²⁷ Там же, стр. 158.

²⁸ Там же, стр. 156.

²⁹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. XI, СПб., 1888, стр. 238.

вестно, как внимательно и подробно писатель мотивирует поступки своих героев «состоянием общества». На это в свое время справедливо обратил внимание Д. Писарев в статье «Борьба за жизнь», проанализировав причины преступления Раскольникова, сознательно опуская, как лишнюю, дополнительную мотивировку преступления «теорией».

Отношение Достоевского к детерминизму очень сложно, касается коренных проблем идеалистической и материалистической трактовки человеческой личности. В данном случае нас интересует лишь то, что в материалистической концепции человеческой личности Достоевский усмотрел умаление свободы личности. Ему казалось, что, акцентируя роль среды, материализм якобы снимает с человека ответственность, и этим унижает его, «доводит до мерзейшего рабства». Именно в этом плане он противопоставляет материалистической концепции идеалистическую, которая, возлагая вину на человека, якобы «тем самым признает и свободу его». Достоевский протестует против вульгарного материализма, механически прямолинейно и односторонне объясняющего влияние среды на человека. Против такого упрощенного понимания связи личности со средой выступали Толстой, Чехов и другие реалисты. Вряд ли сам Достоевский осознавал разницу между разновидностями материализма, но он верно уловил слабость вульгарно-материалистической концепции свободы личности.

Еще в «Записках из Мертвого дома» он писал: «Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не все же, и часто хитрый и понимающий дело плут преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлость, особенно если умеет красно говорить или писать»³⁰.

В известном отклике на «Анну Каренину» Толстого в полемическом задоре Достоевский утверждал: «Никакой муравейник, никакое торжество «четвертого сословия», никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следовательно и от виновности и преступности... зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекари социалисты, .. ни в каком устройстве общества не избегнете зла, душа человеческая останется та же, .. ненормальность и грех исходят из нее самой...»³¹. И сам, противореча подобным крайним выводам о неизменности человеческой природы, ратует за добровольное единение людей, которое возможно будет лишь в результате изменения их природы, правда, постепенного, но это сути дела не меняет. «Потребность заявить себя, отличиться, выйти из ряда

³⁰ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., М., 1956, стр. 208.

³¹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. XI, СПб., 1888, стр. 238.

вон есть закон природы... для всякой личности, это право ее, ее сущность, закон ее существования, которое в грубом, неустроенном состоянии общества проявляется со стороны этой личности грубо и даже дико, а в обществе уже развившемся — нравственно-гуманным, сознательным и совершенно свободным подчинением лица выгодам всего общества и обратно»³², — пишет в одной статье Достоевский, явно ставя в зависимость проявления личности от состояния общества.

В творчестве Достоевского мы встречаемся и с размышлениями об ограничении свободы человека его биологической природой. Однако в понимании среды и личности в принципе он остается на позициях идеализма, решающее значение придает «идеям». Идеализм мешал писателю увидеть земную основу нравственности людей, тем самым более реально решить проблему свободы личности.

Ощущение Достоевским относительности свободы личности явно обнаруживается в его оценке индивидуализма, идеи «сильной личности». Внимание писателя к этой актуальной проблеме его времени, пропагандируемой буржуазными философами, не раз было несправедливо истолковано как сочувствие писателя к индивидуализму, как его созвучие с Ницше, Карлейлем, Штирнером и др. апологетами идеи сверхчеловека, эгоизма, эгоцентризма. К подобным выводам, как уже отмечалось, приводило отождествление идей героев с позицией автора.

Знакомство писателя с трудами упомянутых философов могло стимулировать осмысление им релятивности, исторической конкретности свободы личности. Он не мог не почувствовать, что здесь «берега сходятся». Один из его «сверхчеловеков» говорит: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»³³. Следовательно, абсолютной свободы как таковой не может быть. Достоевский опасается крайнего индивидуализма, «сверхчеловека», которому «все позволено». Он показывает антигуманистическую сущность идеи «сильной» личности, создает разные варианты этой идеи в лице Раскольникова, Лужина, Ламберта, Ганечки и других героев, демонстрирует разновидности человекобога, не признающего никаких ограничений, кроме собственной воли и желаний.

Критика подобной «свободы» тоже иногда несправедливо воспринималась как боязнь Достоевским свободы личности. Обычно при этом вспоминались слова Инквизитора и забывалось, что именно в уста своего идеологического противника Достоевский вложил слова о том, что свобода тяжела для людей, что они откажутся от нее ради хлеба, что свободе, своему мнению, своей воле они предпочтут сытую жизнь под властью деспота. Но это говорит Иван-Инквизитор. У нас

³² Ф. М. Достоевский. Полн. собр., соч., т. XIII, М., 1926—1930, стр. 55.

³³ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. VII, М., 1957, стр. 422.

нет основания утверждать, что сам Достоевский считал свободу вредной, невыносимо тяжелой для человека. Наоборот, у него «свобода духа», «своя воля», «личность» постоянно выступают как синонимы жизни. Для него характерны подобные сближения: «...жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности... исчез человеческий лик и настал скотский образ раба»³⁴.

Достоевский осуждает свободу от человеколюбия, от нравственных принципов, от ответственности перед людьми. Напрашивается некоторая аналогия с чеховским определением «абсолютнейшей свободы», когда она понимается им не как идея «делай, что хочешь», а как «свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались»³⁵.

Как бы определяя границы свободы, Достоевский в качестве главного ориентира выставляет уважение чужой свободы, человеческого достоинства в каждом человеке. Интересно, что задумавшись о том, жесток ли он сам, писатель говорит, что от него другие не страдают. Это он считает главным. Он постоянно доказывает, что нельзя строить свое счастье на несчастье других, что «счастье нельзя купить злодейством», что нельзя пользоваться свободой в ущерб другим. В бредовой теории Шигалева, которую автор явно осуждает: «одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо»³⁶.

Достоевский выступает не против своей воли, а против своей воли.

Но если Достоевский все еще проверял свой курс по маяку, на котором горели слова «свобода человеческой личности», то как он мог не заметить, что катастрофически отдаляется от желанной цели, что уносится в сферу снов смешных людей, в то время, когда у него на родине приближалась реальная борьба за свободу миллионов? Человек активно политически мыслящий, комментирующий последние мировые события, следящий за развитием общественной мысли, автор философских романов, как мог он призывать «гордого человека» смириться и своими мученическими руками, на которых были следы кандалов, пожимать руки душителей свободы? Вероятно и не мог бы Достоевский защищать реакционные идеи, если бы его вера не помогла бы ему убедить себя в том, что он при этом не предает своих идеалов.

Понять, почему именно в религии писатель искал примирения своих демократических и реакционных, шовинистических взглядов, можно

³⁴ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1895, стр. 40.

³⁵ А. П. Чехов. Собр. соч., т. XI, М., 1956, стр. 263.

³⁶ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. VII, М., 1957, стр. 423.

лишь помня ту особую патриархальную среду, в которой прошло детство писателя.

Когда думаешь об этой драме Достоевского, осознаешь, как глубоко пустила корни в душу своего талантливого сына патриархальная, уходящая Русь.

Отец Достоевского, сын подольского священника, предпочел спасение жизни людей «спасению их душ». Но, отказавшись от сана богослужителя, он не отказался от веры — в семье врача строго соблюдались религиозные традиции. Ни одно более значительное событие, ни один праздник не обходились без молитв, церкви, икон. Когда семья отправлялась в дорогу, приходил поп благославлять. Целуя детей на ночь, мать не забывала их перекрестить. Ведь далеко не в каждой, даже очень религиозной, семье возможна такая реакция на несчастье, как та, что мы встречаем в воспоминаниях самого писателя о детстве. Когда неожиданно появившийся мужик сообщил, что с трудом приобретенные деревни Достоевских сгорели, вся семья бросилась на колени и стала молиться.

Особенно важно то, что первые ощущения красоты, поэтического восторга тоже укрепились в подсознании болезненно впечатлительного мальчика вместе с верой. Няня, открывшая ему мир народной поэзии, называла себя «христовой невестой». Приглашенный для обучения детей закону божьему дьякон был очевидно поэтом в душе и живописно рисовал перед детьми картины сотворения мира, всемирного потопа, жития святых. Читать учились дети Достоевских по Ветхому и Новому Завету. Музыкальной природе маленького Феди чарующий мир звуков открылся в церковных мелодиях и в звоне колоколов. Гармонию линий и красок мальчик прежде всего увидел в иконах знаменитых мастеров. В его воображении сухие, аскетические лица оживали. У него были свои, особенно любимые иконы. Впечатления от посещения церквей врезались в память на всю жизнь. Сноп золотых лучей, падающий сверху через окно купола, стал поэтическим образом, постоянно встречающимся в произведениях писателя. В училище религиозный юноша казался странным даже среди тогдашней молодежи. Они прозвали его иноком Фотием...

Но особенно показательны то, что даже вера, которую в отчаянии он поставил выше истины³⁷, проверяется им и примиряется с тем, что для него было выше веры — с человеколюбием, со свободой человеческой личности. Ведь защищая веру, Достоевский с фанатическим

³⁷ Сразу после выхода с каторги Достоевский писал жене декабриста Фонвизиной: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.—Л., 1928, стр. 142.

упрямством прежде всего доказывает, что вера не ведет к обезличению. Он настаивает, что «одна из самых основных идей христианства — признание человеческой личности и свободы ее (а, стало быть, и ее ответственности)»³⁸.

Идея бессмертия в произведениях Достоевского теснейшим образом связана с проблемой человеческой личности, духовной сущности человека, его морали. Свое восхищение Жорж Санд Достоевский в большей мере мотивирует тем, что «Она верила в личность человека безусловно (даже до бессмертия ее). .»³⁹. Достоевскому казалось, что вместе с верой погибнет нравственность. «Тогда если его нет, то человек шеф земли, мироздания. Великолепно! Только как он будет добродетелен без бога-то?»⁴⁰ Этот коренной вопрос, который Достоевский вложил в уста своего Дмитрия Карамазова, мучил его самого. Речь идет об очень важной стороне свободы личности — о нравственности, об источниках морали человека, освободившегося от навязанных ему «предрассудков». Как известно, вера по Достоевскому — это прежде всего высокие нравственные принципы, направляющие поведение людей, оберегающие их от дурных поступков. Они, по воле автора удержали Дмитрия Карамазова от отцеубийства. Во что превратится человек, когда в душе не останется ничего святого, писатель отчасти показал на примере лакея Смердякова.

Трагедию Достоевского во многом и определило то, что еще в детстве сплавившиеся в его сознании идеи добра, человеколюбия и веры до конца жизни не могли окончательно разделиться. Но он не мог верить, не доказав себе, что ограничение свободы личности нравственной уздой в виде веры не унижает человека. Достоевский убеждает себя, что если бог и создан человеком, с чем он не раз соглашается, то стремление к этому выдуманному идеалу, подчинение абстракции не зорно для людей, лучше подчинения себе подобным.

Вера у Достоевского «приземляется», превращается в орудие при решении конкретных нравственных, социальных, политических проблем. Такой ортодокс церкви, как К. Леонтьев, чувствовал это и упрекал Достоевского в том, что его православие — им самим выдуманно. Это он показывает, сравнивая отношение к религии Победоносцева и Достоевского. Победоносцевым, по словам Леонтьева, «Христос познается не иначе, как через церковь»; «любите прежде всего церковь». Христос Достоевского «по-видимому, по крайней мере до того помимо церкви доступен всякому из нас, что мы считаем себя вправе, даже не справляясь с азбукой катехизиса, т. е. с самыми существенными

³⁸ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1895, стр. 212.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. X, М., 1958, стр. 106.

положениями и безусловными требованиями православного учения, приписывать спасителю никогда не высказанные им обещания «всеобщего братства народов», «повсеместного мира» и «гармонии»⁴¹.

О подчинении Достоевским веры идее свободы личности лучше всего свидетельствует то, что его вера, его бог — Христос. В упомянутом письме к Фонвизинной он писал: «...Я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа...»⁴². Именно в этом символическом образе, который он «сложил в себе», писатель и соединяет идею свободной, гармоничной личности, человеколюбия с отказом от борьбы за свои права путем насилия. «Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая для себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности... как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоуправными и счастливыми личностями. Это закон природы»⁴³, — говорит Достоевский. Сверхчеловеку, человекобogu он противопоставляет богочеловека, подобного Христу, способного «пострадать за вины всех». К этому стремятся все человеколюбцы Достоевского, не задумываясь, не считаясь с реальными результатами такого самоотречения. Писатель доказывает: «...самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли»⁴⁴. В этой жертве герой Достоевского видит высшее счастье, он готов «уничтожиться, слиться с полным безразличием» ради братства. Следовательно, «...бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое Я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротив, отдать его обществу, без всяких условий»⁴⁵.

Итак, упрекая своих воображаемых социалистов в том, что они «от человека слишком много требуют — пожертвований как от личности», сам Достоевский требует «всего себя пожертвовать обществу... без всяких условий». Следовательно, вся суть в добровольности «пожертвований» в том, чтоб личность по своей воле могла отказаться от своего «права», не требовать его «с мечом в руке».

⁴¹ Ф. М. Достоевский. Письма, т. IV, М., 1959, стр. 434.

⁴² Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.—Л., 1928, стр. 142.

⁴³ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. IV, М., 1956, стр. 107.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 106.

Принцип добровольности кладется Достоевским и в основу допускаемого им социального неравенства в обществе будущего в силу неодинаковых способностей индивидов. Но разницу он видит в том, что тогда менее талантливые люди будут служить «шекспирам» «своей волей».

Писатель придавал особое значение «Легенде о Великом Инквизиторе», в которой противопоставлена идея Христа — свободного выбора и признания по любви — деспотической власти Инквизитора, который, сжигая инакомыслящих, добывается слепого повиновения. Политической государственной власти, основанной на насилии, Достоевский пытается противопоставить государство — церковь, якобы способную объединить людей в добровольном братстве.

Так Достоевский субъективно, для себя, при помощи религии, как будто примиряет идею свободы личности с самоотречением, демократические тенденции с реакционными, фактически же провозглашает утонченную идею отказа от борьбы за права личности, предает свой идеал, проповедует «гуманное» обезличие.

Но нельзя, не убив себя, предать то, что составляет сущность твоей жизни. И Достоевский, проповедуя добровольное, нравственное самоуничтожение, во что бы то ни стало стремится убедить, что так поступая «не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определена на Западе»⁴⁶. Он проповедует путь добровольного единения личности с обществом, с «братством», которое на самопожертвование личности отвечает тем же: старается предоставить человеку «как можно больше личной свободы, как можно больше самопроявления»⁴⁷. Следовательно, добровольный «социализм» — свобода, равенство, братство без насилия, через нравственное совершенствование личности. Такую «потребность братской общины» писатель хотел видеть в православии, а русский народ объявляется им народом богоносцем, якобы способным на добровольное объединение.

Наивность мечты Достоевского, что богач в России обнимется с нищим и антагонистические сословия сольются в равноправное общество, была очевидной передовым людям его времени, а теперь его утопии проверены историей. Но заблуждения Достоевского закономерны и поучительны. Они свидетельствуют о муках мысли, в невероятно трудных условиях ищущей путь к правде. Сам Достоевский замечал слабость своей мечты и, терзаемый сомнениями, с упрямством фанатика защищал свои иллюзии. И подобно тому, как Л. Толстой создает свою «очищенную» религию, отмежевываясь от религиозных догм

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. IV, М., 1956, стр. 108.

и церкви, так Достоевский обходит опасные рифы в истории христианства, сваливая все на католичество, объявляя его вырождением христианства, религией господ. Называя истинным христианством русское православие, Достоевский стремится доказать, что в русском христианстве по-настоящему даже и мистицизма нет, что в нем одно человеколюбие. А ведь в смертном приговоре ему в вину вменялось чтение письма Белинского к Гоголю, в котором говорится, что «православная церковь... всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма... поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми...»⁴⁸ Лев Толстой, в отличие от Достоевского, в своей рационалистической вере не оставляет места идее православия как исключительной религии, показывает союз православной церкви с самодержавием. И в фанатизме Достоевского Толстой справедливо подметил больше желания верить, чем веры. В таком «усовершенствовании» им православия особую роль, как мы видели, сыграло желание примирить гуманистические идеалы с отказом от борьбы за эти идеалы.

Подобно тому, как высокоразвитая, идеальная личность, так и вся Россия, по мысли Достоевского, способна на самопожертвование во имя всемирного братства, способна «разрешить всеевропейский роковой вопрос низшей братьи, без боя и без крови, без ненависти и зла»⁴⁹. По существу и в идее нации писатель стремится подчеркнуть личность нации, акцентирует особое, исключительное, иступленно защищает эту самобытность от влияния Запада, доходя до шовинизма, порой превосходя в этом славянофилов и официальных народников. Особенно страстно бросается Достоевский в защиту своей нации, когда ему кажется, что задета ее гордость, что унижается и оскорбляется его народ, что на него смотрят снисходительно и подозрительно. Как бы мотивируя свою особую, иступленную, пронизанную жалостью и состраданием любовь к своей нации, Достоевский, подчеркивал, что его народ «столь долго страдал».

Стремясь объединить в специфическом «русском» всех от мужика до царя, выступая против классовой борьбы, Достоевский должен был дойти до нелепых, архиреакционных идей. Но даже шовинистические, агрессивные идеи он пытается примирить с той же идеей свободы каждой человеческой личности. Например, оправдывая войну, он доказывает, что люди идут на войну добровольно, что идут не убивать, а себя принести в жертву, что на войне выявляется ценность самого человека, личности, а не капитала. Или, говоря о поработанных народах в царской России, которую В. Ленин называл «тюрьмой народов», Достоев-

⁴⁸ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. III, М., 1948, стр. 709.

⁴⁹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. XI, СПб, 1888, стр. 221.

ский делал вид, что порабощения как-будто и нет, а есть что-то вроде добровольного объединения.

И так во всем и всегда. Всякую мысль, всякое явление Достоевский проверяет, оглядываясь на свою главную идею. Даже в тех случаях, когда путь уводил в противоположную сторону, и приходилось по-иезуитски убеждать себя, что явно реакционные идеи не отдаляют от желанной цели. Болезненно чуткая совесть писателя исстрадалась в «горниле сомнений», примиряя непримиримые противоречия. И в конце жизни Достоевский считал себя «либеральнее всех», потому что не желал примириться. Не зря Лев Толстой называл его человеком нерешенных вопросов.

Конечно, сама по себе идея свободы человеческой личности у Достоевского гораздо сложнее, чем показано здесь. В данном случае была сделана лишь попытка найти в жизни и творчестве Достоевского главное. Сомнения, противоречия писателя почти исключительно связаны с поисками им путей к свободе человеческой личности. В самой идее Достоевский вряд ли сомневался.

Март, 1969

Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса

F. DOSTOJEVSKIO „PASLAPTIS“

E. GASKIENĖ-CERVINSKIENĖ

Reziumė

Dostojevskis stengdavosi atskleisti žmoguje jo „paslaptį“ — svarbiausią jo dvasinio gyvenimo pradą. „Ispėti“ sudėtingą, keistą paties rašytojo asmenybę buvo ne kartą mėginta jo tėvynėje ir užsienyje. Tačiau dažniausiai tyrinėtojai išskeldavo sau artimą prieštaringos Dostojevskio asmenybės bruožą ir neteisėtai paskelbdavo rašytoją esant tai individualizmo ir savivalės apologetu, tai krikščioniškos meilės apaštalu, tai žmogaus prigimties žiaurumo, dvilypumo dainium ir pan. Tarybiniai literatūros mokslininkai stengėsi visapusiškai nušviesti sudėtingą rašytojo asmenybę, akcentuodami jo pasaulėžiūros ir kūrybos prieštaravimus, jo evoliuciją nuo Petraševskio iki Pobedonoscevo. Todėl mažiau dėmesio buvo skiriama pastoviems Dostojevskio asmenybės bruožams. Pastaruoju metu stengiamasi šią spragą užpildyti. Pasirodė visa eilė darbų, kuriuose patikslinama pažiūra į Dostojevskio kūrybos polifonizmą, nurodoma veikėjų „balso“ su autoriaus „balsu“ sutapatavimo žala, kūriniuose ieškoma autoriaus pozicijos. Visa tai susieta su pačių esmingiausių rašytojo asmenybės bruožių ieškojimu.

Remiantis Dostojevskio biografija, jo kūriniais, užrašais, publicistiniais straipsniais, amžininkų atsiliepimais, straipsnyje teigiama, kad svarbiausia rašytojo idėja yra asmenybės laisvės idėja, parodoma, kad jis liko ištikimas jai visą gyvenimą, nežiūrint pažiūrų prieštaravimo ir evoliucijos, panašiai kaip L. Tolstojus liko ištikimas gamtos, „gyvo gyvenimo“ idėjai, nežiūrint esminio pažiūrų pasikeitimo.

Straipsnyje akcentuojama, kad svarbiausia to meto rusų literatūros idėja — asmenybės laisvės idėja — Dostojevskiui buvo itin artima, išplaukė iš jo paties prigimties, sudarė tarsi jo asmenybės centrą, apsprendė svarbiausius jo pasaulėjautos ir kūrybos ypatumus. Prieštaravimas tarp šio idealo ir tikrovės nulėmė jo kūrinių dramatiškumą.

Straipsnyje parodoma, kaip, keičiantis pažiūroms, rašytojas stengiasi suderinti jas su asmenybės laisvės idėja, siekia sutaikinti nesutaikomus prieštaravimus tarp demokratiškos ir reakcingų pažiūrų, ieškodamas pagalbos tikėjime. Kartu mėginama atkreipti dėmesį ir į pačios asmenybės laisvės koncepcijos evoliuciją, aštrėjant rašytojo pažiūrų prieštaravimams.

THE „SECRET“ OF DOSTOEVSKY

E. GASKIENĖ-CERVINSKIENĖ

Summary

The endeavour to reveal a man's „secret“ — the essence of his spiritual life — is the invariable mark of Dostoevsky.

The „secret“ about Dostoevsky himself, his own principle idea, as stated in the article, is the idea of the freedom of personality. The writer remained faithful to it all his life long, despite the contradictoriness and evolution in his views. The idea as such seems to have sprung from Dostoevsky's very nature, as if comprising the inner make-up of his personality and determined the main peculiarities of his world outlook and his works.

Attempts have been made to show how the author tries to bring his reactionary views into conformity with his democratic ideal of the freedom of personality by turning to religion. Attention has also been paid to the evolution of Dostoevsky's conception of the freedom of personality with regard to the changes in his views.